

Андрей Ильенков



Ильенков Андрей Игоревич родился в 1967 г. в Челябинске. Через год семья переехала в Свердловск. Учился в Свердловском медицинском институте, служил в армии. Окончил филологический факультет и аспирантуру Уральского государственного университета, кандидат филологических наук. Зав. отделом прозы журнала «Урал». Стихи и проза публиковались в журналах «Урал», «Уральская новь», «Уральский следопыт», «Красная бурда», «Воздух», «Дружба народов», «Наш современник», «Искусство кино», в различных альманахах. Автор трёх неизданных поэтических книг. За сборник стихов «Книжечка» (Екатеринбург, 2006, 300 экз.) удостоен Бажовской премии 2007 года. Автор нескольких сборников прозы: «Несгибаемая рота, или Сны полка» (М.: Зебра Е, 2007, 4000 экз.), «Читая ночь» (Санкт-Петербург: «Геликон Плюс», 2007), «Дембельский альбом» и «Еще о женщинах» (обе – Санкт-Петербург: «Геликон Плюс», 2008). Участник АСУП-2,3. Живёт в Екатеринбурге.

Филологическая маркировка стихов А.И.

Традиции, направления, течения: легкая поэзия, русская баллада, натурализм, модернизм, постмодернизм, концептуализм.

Основные имена, влияния, переклички: И. Барков, И. Богданович, В. Бенедиктов, И. Северянин, В. Маяковский, Д. Пригов, М. Щербаков, В. Д'ркин.

Основные формальные приемы, используемые автором: тяготение к балладной форме, ирония, юмор, густой физиологизм, натурализм образов, «бессюжетная» сюжетность, сниженная (в т.ч. обценная) лексика, преобладание глагольности над предметностью, разгоняющее речь до огромной скорости.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: молодость, эпикурейское наслаждение жизнью, апокрифические мотивы, запахи, температурные ощущения, женщины, легкий флирт, алкоголь, Бог, боги, демиургичность, половые органы, вода,

собаки, мотив ретрансляции (лирический герой как средство говорения), восточная тематика, своеобразный катастрофизм.

Творческая стратегия: игровая экспликация трепетной, бьющей через край жизни, стихотворная передача ее витальности, упоение ею, некое частушечное ухарство, лихой прыжок в круговерть предметов, образов, движений.

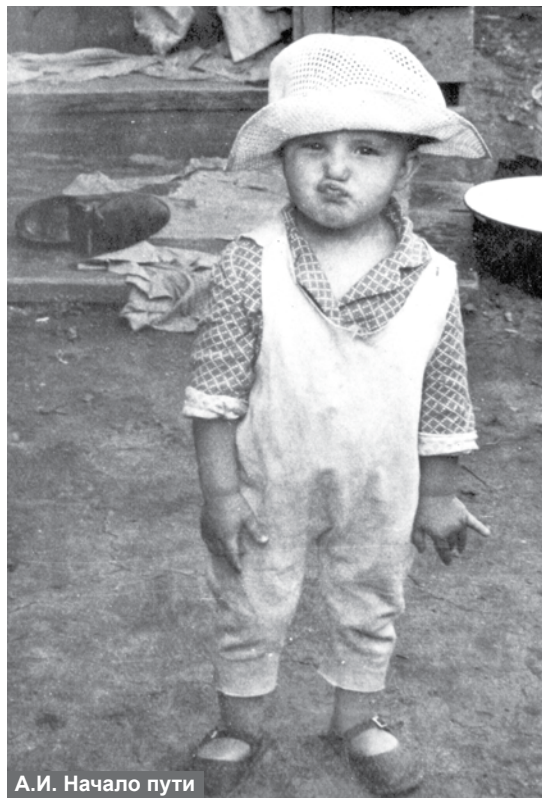
Динамика: стихи третьего тома по сравнению со вторым – серьезнее, глубже, разнообразнее содержательно, жанрово, эмоционально, ритмически и т.д. Однако общая сознательная смысловая размытость остается, нарочитая «расхлябанность», небрежность, инерционность говорения оборачивается временами «заговариванием» во многом иллюзорной, но опасной жизни.

Коэффициент присутствия: 0,73

АВТОБИОГРАФИЯ

Родился я в 1967 (по другим сведениям – в 1968) году в Челябинске в семье студентов, очень скоро ставших инженерами и распределенных в Свердловск.

Несмотря на городскую с рождения прописку, детсадовское воспитание и обучение в начальной школе, могу сказать, что детство провел в деревне. На все лето обязательно, а нередко и в другие сезоны, меня отвозили к четверым бабушкам и

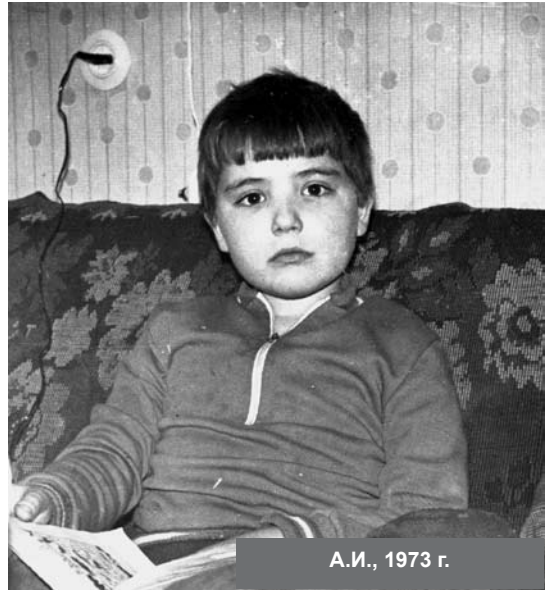


А.И. Начало пути

дедушкам, проживавшим на станции Полетаево Челябинской области в двух частных домах, между которыми я и мотался. В коляске, на саночках, затем пешком за ручку, а впоследствии и на велосипедике. Сверстников-друзей у меня не было, общался я исключительно со взрослыми. Было много чаепитий с вареньями и самогонопитий с соленьями, а также ватрушек, пампушек, блинов и пирогов. С кем попало ходили в лес по грибы, ловили рыбу и раков. Сады-огороды у бабушек с дедушками были немалые, мне же представлялись бескрайними. Животноводство и птицеводство также процветали. При всем том поиграть было не с кем, а в лес и на речку меня одного не пускали. Не знаю, что бы я делал, не умею читать. Читал я все подряд, от романов Гончарова до «Занимательной алгебры» Перельмана, но любимой писательницей была Белла Дижур, ибо внятному сердцу языком излагала основы химии и минералогии. Незадолго до моего десятилетия умер отец (ему было 32), бабка с дедом продали дом и переехали в Свердловск. Поэтому отрочество свое я провел в городе, что уже не так интересно.

Писать (точнее, сочинять, ибо писать еще не умел) я начал в раннем детстве. Мое первое стихотворение – «За столом сидела семья / И вдруг появилась свинья». Сочинил я это в школьные годы, можно было бы думать о влиянии гоголевской «Сорочинской ярмарки», но мне было года три-четыре, и я подозреваю, что текст надо интерпретировать таким образом, что свинью подали к столу. Первое произведение в прозе тоже невелико: «Жили-были старик со старухой, и было у них два сухаря». Оба опуса также показывают, что автор сызмальства был не дурак покушать, а впоследствии и выпить.

Потом, в детском саду и школе, я сочинял еще много, но никогда не записывал. Вероятно, тогда интуитивно знал подлинную цену художественной литературе. А вот в шестнадцать лет под влиянием общественных стереотипов я мало того, что стал оценивать изящную словесность настолько высоко, что начал фиксировать свои опусы в тетрадочке, но и вообще захотел сделаться писателем. Тем более что в классе я считался лучшим поэтом (у нас еще некоторые сочиняли). Более того, когда я поступил в институт, то и на всем курсе я оказался лучшим поэтом! Что не так уж и удивительно – все же это был не литературный институт, а медицинский, где я и проучился в общей сложности три года (два года до армии и один после). В 1985 году я стал посещать литобъединение им. Пилипенко, которым тогда командовал Владимир Сибирев, где я познакомился с Андреем Санниковым, хотя он этого не помнит. В 1986 году меня призвали в ряды СА (не путать с СА). Армейскую службу проходил в Белоруссии и Казахстане, сменив за два года три вида Вооруженных сил: РВСН, ВВС и Военно-космические силы. Не стоит и говорить, что во всех воинских



А.И., 1973 г.

частях, где пришлось служить, поэтом я был самым лучшим, а чаще даже единственным. Тут следовало бы еще раз задуматься о подлинной цене художественной литературы, но было уже поздно, ибо привычка стала второй натурой.

В 1988 году, когда я дембельнулся, в стране вовсю бушевала перестройка, а в Свердловске – Свердловский рок-клуб и «Станция вольных почт». Я восстановился в медицинском институте, писал стихи и прозу, пировал вино и увлекался пригожими барышнями, одной из которых даже обещал создать семью. Семья, впрочем, просуществовала недолго. Развод я переживал бурно, меня отчислили из института, чему я был несказанно рад, ибо наконец-то смог, как добропорядочный



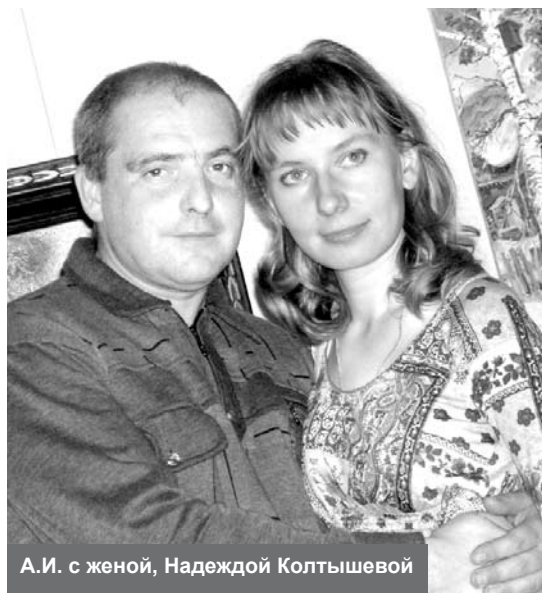
Мама, Зоя Михайловна

представитель андеграунда, работать ночным сторожем, слушать митьковскую музыку, ну и так далее, как принято в подобных случаях. (Трудился впоследствии также санитаром, грузчиком, экспедитором, вальцовщиком, калибровщиком, электриком, слесарем, продавцом в ночном ларьке, переводчиком технической и научной литературы, давал частные уроки русского языка). Я снова стал посещать литобъединение Пилипенко, а также другие многочисленные в те годы литературные тусовки, познакомился со многими свердловскими литераторами.

В 1990-м году составил свою первую книгу стихов «Веко». Это был неимоверный и совершенно никчемный в своей неимоверности труд. Мало того, что число стихотворений в книге было задано изначально, как и количество глав, и в каждой главе число стихотворений, так еще каждое из них должно было поступательно развивать общий сюжет книги, притом не какой-нибудь расплывчатый «лирический сюжет», а весьма жесткий и острый. В общем, глупее всего этого мог быть только венок сонетов, который, разумеется, тоже входил в книгу в качестве центральной главы. Эту конструкцию я дал В. Курицыну, который ничтоже сумняшеся передал ее в Средне-Уральское издательство «для издать». Рукопись передали на рецензию. И что характерно: рецензент рукопись потерял. Как мне говорил потом главный редактор Г. Гилевич, это единственный случай в истории их издательства. После этого уже никого не удивит, что рукопись существовала в единственном экземпляре. Потом я заново составил «Веко», но уже более человечно.

В 1992 году я почувствовал, что мне надоели богемные тусовки. Причем на всю оставшуюся жизнь. Я поступил на филологический факультет УрГУ, притом на заочное отделение, несмотря на высокие полученные баллы. Отчасти потому, что работал экспедитором, отчасти потому, что студенческая романтика мне надоела еще чуть более, чем богемная. Однажды я встретил поэта Алексея Кузина, который сокрушался, что я перестал ходить на литературные мероприятия, звал в литобъединение «Горный родник», говорил, что там молодые талантливые ребята, в частности Боря Рыжий, этакий поэт-маргинал. Почему-то я вообразил себе этакого Шуру Балаганова в исполнении приблизительно Николая Валугева и отказался. Я вторично женился, в 1995 году, у нас с Полиной родился сын Глеб. Я усердно изучал филологические дисциплины, писал статьи вполне академического характера, посвященных творчеству Пушкина, Блока, Шолохова и двух других писателей, выступал с докладами на научных конференциях. Закончил аспирантуру, защитил диссертацию. Все шло к тому, чтобы провести жизнь в университетских стенах.

Но не тут-то было. В 2000 году Николай Коляда предложил мне поработать в «Урале», и я согла-



А.И. с женой, Надеждой Колтышевой

сился. В «Урале» тогда Олег Дозморов вел литературный клуб «ЛебядкинЪ», Борис Рыжий рецензировал стихи для журнала, Коляда очень охотно брал на работу своих учеников, в результате я скоро подружился с драматургами Надеждой Колтышевой, Олегом Богаевым и Василием Сигаревым. Театральные тусовки оказались еще более жесткими, чем литературные, одним словом было куда как весело. В 2001 году после похорон Б. Рыжего я смертельно разругался с женой и вторично развелся, после чего пустился во все тяжкие, как-то: присутствие на театральных фестивалях, поездки на совещания молодых писателей и руководство клубом «ЛебядкинЪ». Разумному (понимающему, что все вышеописанное представляет собою на самом деле) достаточно.

С 2004 года наши приятельские отношения с Надеждой Колтышевой стали перерастать в нечто более серьезное, и она намекнула, что столь праздный гуляка, как я, весьма хорош в качестве приятеля, но не более того. Я намек понял и немедленно преобразился в отличного семьянина, после чего мы и поженились. О роли Надежды в моей жизни кратко, но выразительно писал я же в предисловии к своему первому и единственному сборнику стихов «Книжечка»: «...а если сказать проще, без нее не было бы вообще ничего. Вероятно, что и автора бы уже не было». Кроме того, думаю, если бы не она, не было бы издано ни одной моей книги.

С июня 1983 года по сие время я написал в стихах и прозе множество всего, опубликованного как под собственным именем, так и под псевдонимами, а также и вовсе не опубликованного. Кроме того, мне иногда приписывают произведения других авторов, а один свой рассказ (притом давно напечатанный) я видел в интернете под чужой фамилией.